

**ЕС И РОССИЯ В 2007 ГОДУ:
ДОГОВАРИВАЯСЬ О НОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

25 – 26 мая 2007 года
Maritim Park Hotel, Рига, Латвия

Доклады участников

Круглый стол: ЕС-РОССИЯ. МОДЕЛИ БУДУЩЕГО: ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ И ВОЗМОЖНЫЕ.

Дискуссия

Сергей Караганов: «Со своей стороны я могу сказать, что очень уместно, что мы продолжаем эту дискуссию. Не смотря на то, что она, как бы, «навязшая в зубах», она чрезвычайно свежа по той простой причине, что пока из дискуссий о будущей Европе ничего не следует. Самое главное, что можно говорить, оценивая результаты дискуссии о будущем Европы, это то, что не только политически Европа находится в серьезном кризисе (может быть, это кризис роста), не только на лицо серьезный кризис на новом уровне, но и, конечно, кризис мышления. Никто, по сути, говоря, сейчас серьез не хочет, даже боится говорить о будущем. Я очень внимательно следил за темой той дискуссии, которая шла вокруг всеми уже забытой, а месяца 4 назад, казалось бы, очень важной декларации, которая должна была быть принята на Берлинском саммите, который был посвящен, в том числе, и празднованию 50-летия со дня подписания Римского договора, который когда-то заложил основы нынешнего Европейского союза. Напоминаю вам, что тогда, 50-55 лет тому назад выдающиеся европейцы имели перед собой европейскую идею. Она заключалась в очень простом: надо объединяться, чтобы подавить Германию. Именно поэтому было сообщество угля и стали, которое было под контролем основы тогдашнего ВПК «Сталь» - надо объединяться для того, чтобы подавить коммунизм внутри себя. Этому же, кстати говоря, изначально был посвящен союз НАТО, и только война в Корею поспособствовала тому, что он превратился, к совершенно неожиданному восхищению его собственных авторов, которые о таком и не мечтали, в военно-политический союз в чистом виде, священной и славной целью которого было подавление и борьбы против коммунизма в Европе. Как бы там ни было, две идеи было: перемолоть Германию, перемолоть европейскую историю и бороться с коммунизмом. Европейцы смогли сделать и то, и другое в значительной степени. Сейчас никто не знает, что дальше делать, и эта дискуссия вокруг декларации была крайне показательной. Меня убило то, что, не смотря на то, что какие-то смелые идеи высказывались в кулуарах (я знаю нескольких авторов... казалось бы, авторов этой декларации, среди них выдающиеся европейцы были, они высказывали в частном порядке далекоидущие идеи), ни одна из них даже косвенно не была отражена. Не смотря на то, что это были крупнейшие лица, которые были приглашены немецким Ханстером для того, чтобы набросать идею новой Европы, тем не менее, не нашли отражения в этой декларации, и более того, в публичной дискуссии вокруг декларации ничего не возникло, кроме того, что делать с конституцией, что немножко является показателем климата. И сейчас это большая проблема, я надеюсь, что этот кризис будет каким-то образом пережит, что он не вызовет деградационных тенденций, которые вызвали бы к жизни ужасающие призраки европейского прошлого, потому что пускай Европа будет такой, какая она есть: не очень эффективная, но не милитаризированная. Может быть, для России это не плохо. Но вопросов очень много, вопросы с разных сторон задаются. Вот этот белорусский вопрос очень интересен тем, что, не смотря на то, что лидера страны называют «последним диктатором Европы», проклинают регулярно, ничего не делается, чтобы оказать давление. Более того, европейцы с наслаждением покупают товары белорусского реэкспорта, которые, как известно, произведены за счет удивительно щедрой политики России, которая давала

возможность перерабатывать нашу нефть и даже перепродавать нашу нефть так, как продавали нашу нефть в начале 90-тых годов наши собственные будущие олигархи, которые на этом сколотили состояние. Покупали по одной цене, а потом продавали по другой. Собственно говоря, вся российская экономика этим и жила долгие годы. Тем же самым в последние годы занималась и Белоруссия, и, тем не менее, европейцы ничего не сказали по этому поводу. Наоборот, с удовольствием вот этими благами режима и тоже косвенно субсидируют режим. Когда же Россия начала вводить более-менее нормальные цены, то тут нас обвинили в аншлюсе, что потрясло даже такого выдавшего виды человек, как я. Что это? То нас критиковали за то, что мы поддерживаем de facto белорусский режим, а после того, как мы чуть-чуть уменьшили экономическую поддержку и стали переходить на реалистичные экономические рельсы, нас обвинили в аншлюсе. Но это еще один показатель того, что и мы (в той мере, в какой являемся европейцами), и европейцы не знают, что дальше делать».

Максим Шевченко: «Спасибо. Во-первых, я хочу выразить благодарность организаторам форума. Я впервые участвую в Балтийском форуме, и мне тут очень приятно находиться, очень много умных, приятных, интересных людей с разными позициями, по-своему, уникальный форум. Форум, на котором можно совершенно спокойно беседовать с людьми, совершенно разных геополитических взглядов и обсуждать в достаточно непринужденной атмосфере, казалось бы, совершенно разные, иногда даже полярные подходы к решению каких-то ключевых и принципиальных вопросов.

А теперь, по сути дела. Отношения России и Европы: как мы будем строить эти отношения? Мне кажется, что в отношении России существует ряд очень серьезных иллюзий, которые вызваны непониманием тех внутренних процессов, которые происходят в России, неверием в реальность этих процессов. Политтехнологическое буйство, которое господствовало в нашей стране в 90-тые годы, по-прежнему создает иллюзию, что-то, что происходит и в начале XXI века, по-прежнему является политтехнологическим буйством, но это не так. В России кристаллизуется пространство внутренней политики, и я вчера упомянул (господин Выдрин сейчас адресовался к этому моему короткому замечанию, и я очень благодарен вам за это) – это не случайно. Вы обратите внимание на то, кто является самым авторитетным общественным и политическим субъектом (иногда эти линии смыкаются) в России за последние 15 лет – русская правовая церковь в лице и патриарха Алексия и митрополита Кирилла, безусловно, является одним из лидеров общественного мнения в сознании россиян. Самый стабильный общественный институт, не смотря на все кампании деформационные, которые проводились в СМИ по заказам тех или иных политических сил. По-прежнему русская православная церковь динамично укрепляет свои общественные позиции. Всемирный русский собор 10 лет назад был достаточно маргинальным политическим мероприятием. В последние годы это мероприятие, которое было создано по инициативе митрополита Смоленского Калининградского Кирилла, в котором участвует патриарх, походит с участием высших лиц государства - президента России и первых лиц государства, и это – подчеркну, не случайно. Русская православная церковь – единственная общественная организация страны, которая обладает управляемой, сетевой и одновременно иерархической структурой на всей территории страны от Камчатки до Западных границ. Плюс к этому структура Русской православной церкви является достаточно ей подчиняемой и управляемой и на постсоветском пространстве, в том числе и в Латвии. При всех минусах отдельных, которые можно адресовать к отдельным личностям и т.д., - это очень эффективная структурообразующая система. То, что государство, и мы видели, как президент Путин присутствовал на беспрецедентном историческом акте объединения двух ветвей церкви, преодоление последствий как Гражданской войны 18-го года, так и гораздо более страшной для нас Гражданской войны, которая была в годы Второй мировой войны, когда гораздо большее количество граждан нашей страны были на стороне противника, и основная масса зарубежных граждан – это, надо понимать, это не

белогвардейцы, а это власовцы, те, кто в годы войны сотрудничал с немецкими оккупантами. Как президент к этому относился? Мне представляется, что это надо воспринимать как очень важное и существенное политическое заявление России. Именно этот акт находится в коренном противоречии с теми демократическими тенденциями, атеистическими тенденциями, либеральными тенденциями, которые господствуют в европейском пространстве. Современная единая Европа выстраивается в жестком оппонировании позиции Римской католической церкви, в частности, позиции Ватикана. Мы знаем, что и покойный папа Иоанн Павел II, и действующий папа Бенедикт XVI жестко критикует те тенденции, которые господствуют в процессе европейского объединения. Ватикан и Римско-католическая церковь не признала и не признает европейской конституции в ее нынешнем формате, в ее нынешних формулировках. Характерно, что с кардиналом Расенгером, немцем, Бенедиктом XVI у Русской православной церкви нет никаких проблем. Мы не слышали ни о каких скандалах с Католической церковью за последние 3 года, когда Бенедикт стал новым Папой, более того, мы наблюдаем динамику отношений, динамику роста – эти отношения из религиозных переходят уже явно в политический формат, что было продемонстрировано визитом президента Путина в Ватикан и теми заявлениями, которые были сделаны в связи с этим визитом. Надо еще раз отдать себе отчет, что в России кристаллизуется внутреннее политическое пространство, этому процессу можно препятствовать, но мне представляется это препятствование будет неконструктивным, политически - исторически проигрышным. Так вот кристаллизуется внутреннее политическое пространство, которое будет опираться на политическую парадигму, которая будет отличаться от тех тенденций, которые сегодня господствуют в европейском пространстве. В этом смысле Россия, безусловно, остается европейской страной; была, есть и остается христианской страной; страной, которая объединяет в себе и многие цивилизации, и многие религии, и многие народы. Но Россия ни в коем случае (это, кстати, мое частное мнение, могу подчеркнуть, что это неофициальное мнение, естественно) не будет ассоциироваться с теми тенденциями либертарианскими, которые сегодня определяют ход евроинтеграции. Эти тенденции чужды мироощущению значительной части правящей, господствующей элиты и, по крайней мере, общественному слою Российской Федерации. Мы находим свою идентичность, мы находим свою внятность, мы находим пути своего восстановления и возрождения на тех путях, которые гораздо более вняты и понятны нам. Посмотрите, кого цитирует президент. Президент опирается в своих фундаментальных речах, в федеральном послании, в частности, нескольких лет не на, допустим, Хайека, а на Ивана Ильина, на Александра Солженицина - достаточно неприемлемые с европейской точки зрения правые мыслители. Иван Ильин (вы, наверное, знаете, кто это такой), младогегельянец, антилиберал и антидемократ в современном смысле этого слова. Мне представляется, что внятное ощущение тех тенденций и внятное понимание тех тенденций, которые существуют в России, – именно это является мейнстримом для консолидации элитного политического пространства нашей страны, гражданином которой я имею честь быть, и является той доминантной, которая приведет к формализации той России, с которой Евросоюзу (основная позиция которого нам абсолютно внятна, в частности, по проекту евроконституции) придется иметь дело. Последний, наверное, акцент. Заметьте, что попытки создания альтернативного этического поля, которое может явиться фундаментом для политики, в частности, явила Русская православная церковь социальной доктрине. Митрополит Кирилл не последний политик в нашей стране. Он не является духовным деятелем, как на европейском пространстве являются духовные лица, он является политической фигурой, он говорит об альтернативной концепции прав человека, об альтернативной концепции демократии, об альтернативной концепции народовластия. Мне кажется, что за этими тенденциями – будущее, которое поддержит большинство российского населения и значительной части российской политической элиты. А уж как хотите, так к этому и относитесь. Спасибо».

Сергей Ознобищев: «Спасибо большое. На самом деле, тема очень важная, и, на мой взгляд, ключевая для сегодняшней России. У нас ведь как в стране – крайности у нас до

сих пор господствуют. Либо мы с Европой, либо у нас начинает отовсюду, откуда можно, звучать какая-то такая евроазиатская мысль «а если бы мы были частично в Европе, в Азии и оставляли бы еще Аляску за собой (что вполне исторически могло бы случиться) – были бы евроамериканцы». Вот такое «евроамериканство» какое-то. И попытки вернуться к каким-то формам управления и формам самоопределения, самосознания, которые давным-давно отжиты, не потому что плохи, а потому что исторически время прошло для них: Новгородское вече и прочие такие вещи. Все собираются в парламент, а мы должны собираться как-то иначе, иначе самовыражаться. Но все равно призывы к туземным танцам меня не вдохновляют, равно, как и решение Новгородского вече сегодня будет крайне сложно проводить в жизнь. Я думаю, что согласиться со мной господин Шевченко, я совершенно согласен, что у страны должен быть духовный стержень, должно быть духовное поле, и очень хорошо, если этим стержнем будет религия. Но религия в том числе, потому что мы говорим сегодня не о глобальном проекте, не о проекте глобализации, а я бы сказал, о процессе глобализации, в которой пытаются встраиваться те или иные политики, те или иные страны. Этот процесс идет объективно, и та страна, которая имеет мудрых политиков, сможет и успеет в этот процесс выстроиться; та, которая не имеет таких политиков, будет отставать все дальше и дальше в своем развитии. Вот возвращаясь к нашему духовному полю, мне кажется, что со мной согласятся многие. Что Россия – это все-таки великая страна, правда же? Не может она основываться на одном православии, потому что есть там – хотим мы это или не хотим – и мусульмане, и евреи, и прочие, другие, более мелкие и менее влиятельные ответвления исторически сложившихся религий. Если мы не сможем все это дело мудростью политической держать вместе, объединять ради решения крупнейших задач глобализации (не проекта глобализации, а российского проекта глобализации, отличного от других, в чем отличного – тоже понять совершенно невозможно), мы сможем встроиться в процессы глобализации со всем своим духовным единением, тогда мы и будем оставаться страной единой, страной великой, страной крупной и страной влиятельной. Вот мне хотелось бы к этому призвать.

Что касается нашего вступления в Европу, объединения с Евросоюзом того или другого политического момента, который сейчас настает или будет завтра, мне все-таки представляется, что не будет ни Ленинского декрета, ни президентского указа, что «Мы вступаем в Европу», а есть действия политиков, объединяющих те или иные течения и направления мысли, и сегодня все движется к тому, что мы все-таки с Европой сближаемся, потому что в то или иной степени это нам выгодно, и политическая, экономическая, этическая, духовная – как хотите – выгода должна присутствовать. Если ее не будет, то мы в большой Европе не будем, но поскольку там сегодня находится подавляющее большинство европейских государств, наверное, они что-то в этом находят, не смотря на все неудачи с совершенно идиотским 500-страничным документом как европейская конституция. Но возможно, эта неудача мелкая. Возможно, следующая редакция конституции будет, как и наша, - небольшая, компактная и очень содержательная книжка. Спасибо».

Андрей Воронцов: «Я постараюсь быть кратким. Я, как тот ребенок, который наблюдает за взрослыми, очень умными людьми. Слушая вас, особенно то, что сказал Максим, – это было очень содержательно, я вдруг подумал, что вся проблема между ЕС и Россией в отношениях ЕС и России очень простая – Россия становится все более и более предсказуемой страной, а ЕС становится все менее и менее предсказуемым формированием. Все».

Андрей Федоров: «Спасибо! Несколько соображений. Если бы я был организатором данного мероприятия – я, конечно, никогда не хочу брать лавров Яниса – то я бы назвал эту сессию «ЕС и Россия в капкане», потому что мы действительно сегодня сидим в капкане, причем сидим вместе – и Россия, и Европейский союз. Не надо думать о том, что та кризисная ситуация, которая сложилась, является результатом безответственности какой-то одной из сторон. Мы к этому шли, к этому кризису шли и,

к сожалению, обе стороны надеялись проскочить точку кризиса достаточно легко, базируясь, прежде всего не на определенных документах и договоренностях, а базируясь, прежде всего, на личных договоренностях, на личном понимании. Не получилось. Сегодня мы сидим в капкане, и хочу сказать, что нам придется сидеть еще очень долго. Есть несколько причин, почему это происходит.

Первая: потому что, с одной стороны в 2007-ом году мы имеем новую Европу. Да, можно критиковать ЕС, можно говорить, что там Румыния теперь и прочее, потому что в свое время там бытовала шутка, что, если вы хотите развалить НАТО, примите в НАТО Румынию. Но ЕС все равно развивается, и развиваться будет независимо от того, какую позицию будет занимать Россия – вот это тоже нужно очень правильно понимать. Надо избавиться от иллюзии, что Россия может как-то изменить направление развития Европейского союза. Вот давайте сразу от этой иллюзии избавимся. Это первое.

Второе, с моей точки зрения, заключается в том, что да, в 2002-ом году мы имеем совершенно новую Россию. Россию, которая сильная, которая имеет свой голос, которая имеет механизмы влияния, и Европейский союз оказался полностью не готов к новой России. И совершенно понятно, что он не будет готов к новой России еще достаточно долго. Здесь есть, конечно, свои плюсы и минусы. Я тут месяц назад сидел с одним олигархом, который просил меня рассказать о некоторых странах, о ситуации, и я тоже пытался ему говорить, как у нас любит Сергей Саныч говорить, о европейских ценностях и прочее. Он слушал, слушал меня. Потом почесал голову, говорит: «Ну, ладно. И европейские ценности мы тоже купим». Вот это мы в 2007 году. И то, что он сказал, на самом деле, в какой-то степени отражает нашу государственную политику. Мы сегодня хотим прийти в Европу, и хотим прийти в Европу не как в 91 году – «подайте на пропитание, пришлите гуманитарную помощь» - а мы хотим прийти, так сказать, достав кошелек в ряде случаев(что мы и делаем), и сказать, что мы тоже Европа, дайте нам те же права, которые есть у вас, в том числе, с точки зрения нашего экономического проникновения. Этого Европа тоже не хочет, потому что Европа до сих пор считает Россию непредсказуемой страной. Сказать, что мы стали предсказуемой страной – я тоже не могу. Конечно, мы более предсказуемы сегодня, чем результаты украинских выборов, но вместе с тем, условно говоря, нашего медведя иногда заносит очень здорово – мы все это знаем прекрасно. Это тоже является одним из тех факторов. Первый вопрос, который я хотел сказать. Кто страдает от нынешней ситуации? Я скажу честно, что больше страдает, наверное, Россия, чем Европейский союз, потому что, условно говоря, если не будет нового договора, все будет идти по-старому. К сожалению, для России некоторые возможности просто будут сужаться, не говоря уже о гуманитарной стороне дела, говоря уже и об экономической. В принципе, само по себе, конечно, это не трагедия – обе стороны могут примерно год-два подождать, посидеть подискутировать, и прочее. Но волей-неволей мы придем к договору, но, к сожалению, у меня лично складывается такое впечатление, что, в конечном счете, нам придется уступить, прежде всего, потому, что мы действительно в последние полтора года впервые столкнулись с жесткой, консолидированной позицией Европейского союза. Если раньше нам через двухсторонние отношения удавалось играть на этом поле, в том числе за счет личных моментов, то сейчас это поле сужается до безобразия. Что у нас остается Европе? Госпожа Меркель, и не более того. Для господина Саркази Россия – это отнюдь не приоритет, это человек, который будет ориентирован на Соединенные Штаты. Новый премьер-министр Великобритании так же далек от России, как Аляска от Москвы, ему тоже это малоинтересно и т.д. То есть проблема заключается в том, что в наши двухсторонние отношения с отдельными странами могут быть эффективны экономически (да, мы там можем договариваться о продаже газа на 20 лет вперед и пр.), но политического продвижения при этом не будет. Мы должны это понимать. И попытки расколоть Европейский союз именно через двухсторонние контакты, уже, к сожалению ни к чему не приведут именно сейчас. Это можно было сделать 4-5 лет назад, поиграть на этих обстоятельствах. Сейчас это невозможно.

И самое последнее, о чем я хотел сказать. Главная сложность России заключается в том, что при всех достижениях консолидации внутри страны, мы попали в довольно сложную внешнеполитическую ситуацию. Вот эти самые переговоры с Европейским союзом проблемы ВТО, проблема постсоветского пространства – это как раз все то, что на самом деле будет сейчас постоянным вызовом России, и будет постоянной проблемой во взаимоотношениях России и Европейского союза.

И последние. Здесь я хочу прокомментировать ситуацию по Белоруссии. Можно по-разному относиться к Александру Лукашенко и к тому, что происходит в Белоруссии, но с точки зрения интересов России я могу только представить в кошмарном сне, когда мы одновременно получим проблемы на Украине (а мы их получим очень скоро) и в Белоруссии. Условно говоря, остановки двух труб Россия не выдержит, поэтому надо очень аккуратно проводить нашу политику, и понимать, что степень конфликтов на постсоветском пространстве всегда у нас жестче, и, условно говоря, на постсоветском пространстве мы, к сожалению, больше бьемся в кровь. И все наши конфликты с Европейским союзом – это конфликты интеллигентов, сидящих на кухне. И поэтому, если мы хотим вообще обеспечить себе будущее в Европе, мы должны сейчас в первую очередь сконцентрироваться на том, чтобы, как говорится, не набить бы в очередной раз морду друг другу на постсоветском пространстве. Спасибо».

Юрис Розенвальд: «Мне был очень интересен последний Форум, я имел честь быть во всех и быть одним из тех, которые участвовали в создании, но как раз этот Форум интересен тем, что мы находимся в очень интересном времени в мировой истории по определению, потому что мы живем в момент, когда происходят тенденции, которые потом, может быть, будут в книжках записаны как «Процесс изоляции России», «Процесс структуризации Европейского союза по отношению к России» и т.п. И здесь было очень интересно слушать именно российских представителей, которые объясняли, как это происходит в России, почему они это делают, куда они это направляют и как они это будут делать дальше. К сожалению, по-моему, не все европейцы (я не думаю про здесь сидящих) это понимают, они даже не прислушиваются, потому что они аргументно на это все смотрят - «мы сами все лучше знаем», и они по-прежнему считают, что главная сверхзадача России – это попасть в рай европейский, где они будут все время стучать в эти двери, и они не понимают, что уже образовывается новая идеология России, где самодостаточность и все остальные тенденции будут успокаивать эту большую территорию, и на самом деле это будет очень правильно. И тут я на самом деле вижу именно наше место, на котором мы можем быть не адвокатами ни тех, ни других. Я думаю, что мы можем быть, как переводчики, потому что, с одной стороны, мы очень хорошо понимаем, что сейчас происходит в России (лучше, может быть, чем средний европеец, потому что мы еще не настолько заболели той аргументностью, которой они уже болеют многие годы); одновременно мы так же знаем и понимаем Россию в том плане, что мы понимаем и видим ту лицемерность, которая происходит в Европе, о которой тоже некоторые люди уже здесь рассказывали. По-моему, некоторые европейцы никогда не поймут, чем они больны, потому что они не могут быть больны по определению – «мы же самые здоровые». Это по поводу истории в целом.

Второе. Может быть немножко буду цитировать самого себя со вчерашнего телемоста. Если мы говорим по поводу того, куда мы направляемся, я думаю, что все будут стараться делать общую группировку «мы-Европа, будем говорить с Россией в целом», все равно для нас лично всегда будет более интересно общаться напрямую, несмотря на то, что мы опять же, безусловно, будем самые лицемерные. Если Россия нам будет чем-то не нравиться, мы будем обращаться к Европе, типа «справьтесь с этими дикарями или медведями», а когда нам будет нужно общение по поводу газа, мы будем стараться обойти все втихаря, спекулировать тем, что у нас есть добрососедские отношения, и будем всячески находить форму, как это все продать, для того чтобы это всегда выглядело грамотно и упаковано.

И еще, может быть, тоже из вчерашнего. Я расскажу две такие «маленькие азбуки» бизнес-управления. В свое время мне один известный в Латвии бизнесмен рассказывал, что «Кристиан, не должен ты бояться больших затрат, ты должен бояться маленьких доходов». И на самом деле, когда ты не имеешь денег, это очень трудно себе внушить, но когда ты это сделал, меняется отношение, ты становишься на самом деле намного свободнее. И то же самое здесь – по-моему, мы не должны бояться, если мы говорим про Латвию и Россию или Латвию, Европу и Россию и т.п., что будет много радикалов, которые всегда будут напоминать нам, где наше место и какое оно. Мы должны бояться того, что у нас нет тех общих проектов (например, Латвии с Россией, Европа с Россией), потому что у нас не хватает тех модераторов, которые нам могут предложить нормальные проекты, где мы видим взаимовыгоду. Например, когда людям объясняется, что мы можем построить такие и такие мосты, такие газопроводы и т.п., мы сразу на Россию смотрим немного по-другому. И, может быть, то же самое было бы и в других масштабах».

Игорь Юргенс: «Спасибо большое. Присутствующие здесь Григорьев, Караганов, некоторые другие знают, что Реалцентр разработал с их участием 4 сценария развития Российской Федерации после 2008-го года. Три из этих четырех сценариев являются тупиковыми, там так и доказывается, почему: инерционный, мобилизационный... И один – модернизационный - является прорывным и единственно возможным для того, чтобы страна не развалилась, стала уважающей себя державой. Модернизационный сценарий предполагает быстрый рост среднего класса по определению из соответствующих ему инструментов. Мое предсказание: быстрый рост среднего класса и после того, как 20% населения станет таковым, будет означать следующее – этот средний класс потребует совершенно другую политическую услугу от своего руководства. Это сейчас очень большое количество бедных людей, оскорбленных и униженных людей и т.д. не требует от политического руководства никакой другой услуги, кроме величия России, во многом в настоящий момент, призрачного. А когда они встанут на ноги, станут самостоятельными людьми, независимыми, свободными, они потребуют совершенно другой услуги, и эта другая услуга в отношении той темы, которую мы сегодня обсуждаем, будет выражаться в следующем: Россия и ЕС будут стратегическими партнерами, хорошими друзьями, союзниками, возможно, во многих вопросах, а возможно, и сольются в единый Европейский союз или Трансатлантический союз – это как бог даст в последствии. Таким образом, никакой заданности ни во враждебности, ни в дружбе у нас нет. Когда мы изменимся сами, а мы изменимся неизбежно, или вдруг распадёмся на ряд государств, и оно из них все равно пойдет Европу – Московия расширенная, Санкт-Петербург, Москва и т.д. Не дай бог нам это сделать, но это могут сделать только обскурантисты. Вот этому противодействовать могут только обскурантисты, которые против модернизации России, и в закукливании ее в какой-то эфемерный и совершенно мифический какой-то вид собственного величия в отрыве от других. Но когда ты в отрыве от других ты не понимаешь этого величия. С Максимом Шевченко я не могу согласиться в том, что он предполагает, что большинство российских элит или российского народа станет под знамена православия. Я хочу напомнить, что Россия – светское государство, в котором религия по конституции отделена от государства, и если кто-нибудь, включая эти элиты, захочет вновь нарушить конституцию, я думаю, они призовут нас к Гражданской войне. Я как русский и православный человек, могу сказать Максиму следующее. Великий Достоевский говорил Охтиной пустыне в «Братьях Карамазовых»: «Как только церковь объединяется с государством [а именно к этому призывают, чтобы она стала политической партией], церковь теряет все свое сущностное, церковь умирает». Когда Повеносцев – обскурантист и революционер – руководил Русской православной церковью, от ее имени Александра III толкал на шаги, которые привели к распаду Великой Российской Империи, - вот именно это и было сращиванием церкви с политикой, потому что церковь по определению – Великая Русская православная церковь – должна быть защитницей народа от государства и ни в коем случае не государственным рычагом. В противном случае, это конец этой Великой церкви, которая много от этого государства претерпела. Поэтому – никакого обскурантизма;

никаких легких решений, основанных на псевдонациональных интересах; модернизация нашей страны; создание институтов, совместимых с теми институтами, которые сработали во всем мире; и после этого этот средний класс сделает из России то гордое, сильное государство, которому не нужны будут враги за своей территорией, а если они появятся, то они получают соответствующий отпор».

Надежда Арбатова: «Спасибо. У меня несколько коротких замечаний. Отвечая на вопрос, который собственно заявлен в этом Круглом столе - какие модели желательны и возможны - наверное, каждый из российских участников ответил бы на этот вопрос по-своему, по-разному, и я думаю, что наши коллеги уже поняли, что у нас полный плюрализм мнений и в этом смысле у нас все в порядке. У нас сегодня жизнь в России очень динамичная, очень противоречивая, и каждый выбирает из нее то, что ему близко. Вот Максим Шевченко, цитируя президента Путина, обратил внимание на то. Вот если б я цитировала президента Путина, я бы выбрала совсем другие цитаты. Я бы, наверное, вспомнила бы, что в том же самом президентском послании он говорил о том, что Европейский союз – это важнейший партнер России и что после стран СНГ он стоит на втором месте для России. Наверное, я бы вспомнила и том, что после 11 сентября, выступая в Брюсселе, Путин сказал, что Россия – это европейская страна, что наши ценности коренятся в европейской культуре. Так что я думаю, что каждый из нас выбирает то, что ему близко, и то, что он разделяет.

Вот теперь по поводу самодостаточности. Здесь уже прозвучал вот этот тезис. На мой взгляд, самодостаточность в эпоху глобализации (тут я не соглашусь с уважаемым Дмитрием Выдриным)... глобализация – это единый процесс, потому он и называется глобализацией. Здесь не может быть европейского, американского проекта. Вот самодостаточность, самоизоляция в эпоху глобализации – это путь в никуда. Я надеюсь, что Россия никогда не ступит на этот путь, мы этот путь уже проходили.

И тоже не могу не сказать двух слов о православии. Вот особенность нашего пути, я полностью поддерживаю то, что сказал Игорь Юргенс, но просто хочу еще подчеркнуть одну мысль: особенность нашего пути, пути России, долгого такого возвращения в европейскую семью, состояло как раз в том, что у нас церковь никогда не была отделена от государства, в отличие от Западной Европы, где разделение церкви и государства было зачатком разделения властей, что потом и привело к определенному строю. И конечно, очень немодно сейчас цитировать Владимира Ильича Ленина, но я а 100% согласна с ним, что церковь у нас была, как он писал, «прислужницей государства» или «служанкой государства». Полностью согласна с Игорем Юргенсом. Россия – светское государство и таким оно должно оставаться.

И последнее. Вообще, что такое показатель европейскости или принадлежности к Европе? На мой взгляд, это и не география, это даже не уровень экономического развития. Скажем, Япония принадлежит Западу, но она никогда не будет Европой. Есть самый главный показатель – это культура, и вот этот главный показатель свидетельствует о том, что Россия – это стопроцентно европейская страна. Это часть, причем очень значительная часть европейской культуры. Спасибо».

Борис Цилевич: «Спасибо. Это очень интересно. Могу констатировать, что дискуссия славянофилов и западников в XXI веке ничуть не менее интересна и содержательна, чем в XIX, но я не собираюсь участвовать в этой дискуссии. Хотел бы отметить несколько моментов.

Во-первых, в чем проблема взаимоотношений между Европейским союзом и Россией. Как мне кажется, проблемы двух видов. Первое – это различие парадигм на уровне понимания базовых ценностей. Второе – это взаимный стереотипы и непонимание позиции противоположной стороны. В частности, все то, что господин Шевченко говорил о России, гораздо в большей степени применимо, например, к Польше. Это рост влияния религии, это неприятие либеральных ценностей, крайне консервативная

позиция – все это в Польше проявляется намного более ярко, чем в России. Это та самая Польша, которую, как сегодня говорилось, построила Европейский союз. Мне очень жаль, что то, как вы себе представляете Европу – это не вполне соответствует действительности. Я не очень вижу, где вы видите эти либертарианские ценности. На самом деле в Европе происходит тоже достаточно серьезные процессы, и после расширения 2004 года основная тенденция – это популизм в европейской политике. Я не буду развивать эту тему. Мировоззрение – это конечно очень важно, но мы ведь сейчас говорим не о философских мировоззренческих отношениях России и Европейского союза, мы говорим о практическом взаимодействии. Я хотел бы отметить как минимум две области, где вполне возможно прагматическое взаимодействие, независимо от каких-то мировоззренческих различий. Первое – у России и у государств Европейского союза есть общая правовая база, которая касается, например, прав человека, в первую очередь. Я не очень понимаю, что такое «альтернативные права человека». Есть документ Совета Европы - Европейская конвенция прав человека, Россия является полноправным членом Совета Европы и имеет определенные обязательства, определенные права. Мне кажется, что Россия очень много теряет оттого, что не использует полностью те механизмы Совета Европы (в меньшей степени ОБСЕ, там своя специфика), но, тем не менее, вот эта подмена прагматического взаимодействия, которое четко прописано на уровне процедур, мировоззренческими дискуссиями мне не кажется плодотворной и для сотрудничества России и Евросоюза, и для самой России.

Второе, что еще более важно. Мы говорим о том, что Европейский союз проходит трансформацию от чисто экономического союза к союзу, основанному на ценностях. Тем не менее, какая сегодня основная задача Европейского союза? Ну нет там ничего непредсказуемого. Это все хорошо известная Лиссабонская стратегия, т.е. поставлена задача – сделать европейскую экономику самой динамичной экономикой мира к определенному году. Не очень получается, но, тем не менее, помимо постоянной болтовни на разных уровнях, все-таки есть и определенное дело. Впервые в Европейском союзе доля бюджета, предназначенная на развитие, превышает долю сельскохозяйственных субсидий – это, в общем-то, революционное изменение. И перед Россией стоят те же самые проблемы. Вот опять же, для меня самая важная цитата из выступлений президента Путина, которые я, конечно, не так регулярно слушаю, - то, что он говорил о нанотехнологиях. Вот мы говорим о нефтепроводах, мы говорим о железной дороге, но будущее не за газом, не за нефтью (они кончатся через 100 лет, через 200 лет), нанотехнологии – вот это будущее. И есть фундаментальное общее между Европейским союзом и Россией – то, что ставку нужно делать на технологии, на инновации, ставка на образование, ставка на человеческое развитие. И вот здесь никакие мировоззренческие различия не могут воспрепятствовать очень эффективному сотрудничеству между Россией и Европейским союзом. Мне кажется, что вот этот момент упускать ни в коем случае не следует, именно поэтому я смотрю на перспективы этих отношений с большим оптимизмом. Спасибо».

Леонид Григорьев: «Нам всем, особенно рижанам, страшно повезло, причем второй раз повезло. Вчера английский юрист выступил, завел энергетическую секцию и улетел. Сегодня это сделал Максим, который со своим замечательным баритоном в состоянии перекрыть все микрофоны, что он время от времени пытается сделать. Если бы не так развивались события, я, может быть, и не полез бы выступать. Какие там европейские дела? Тут с энергетикой никак не разберешься... Во-первых, есть одно, чисто конкретно хотел бы размежеваться: когда выражаете свою точку зрения, говорите «я», а не «мы».

- Я сказал «я».

- Нет. Вы каждый второй раз говорили «мы»- элита. Во-первых, это не «мы».

- Не Вы то есть?

- Я не Вы.

- Это Мы, но не Вы.

- Я не знаю, кто «вы», но точно не мы. Просто публике повезло, нас вывезли и предложили, мы участвуем.

По существу. Я думаю, конечно, есть глубочайшее взаимное непонимание между Европой и Россией, но оно, на мой взгляд, структурируется немного иначе. Мы понимаем их ценности, хотя нам их трудно применить. На бытовом уровне – мы что, как-то иначе живем? Что мы как-то иначе женимся? У наших 2 млн. жителей в Германии или Англии, 30 тыс. в Берлине разве есть какие-то проблемы с европейскими ценностями?

Мне кажется, что мы хорошо себе представляем, что происходит в Европе, мы хорошо информированы: Euronews на русском, люди ездят туда-сюда... Европейцы, американцы, живущие в Москве, теперь женившиеся теперь у нас там – тоже отлично себя чувствуют, домой не хотят – значит все нормально. Другое дело, что с точки зрения *acquis communautaire* в Брюсселе, наших особенностей не должно быть, и мы их начинаем инстинктивно защищать. Это нормально, но не будем это утрировать.

Во-первых, не надо заморачиваться по пустякам. Ну, обломилась там конституция, что радоваться-то? Грандиозный проект, 27 стран, интересный процесс... Надо изучать, у нас общие корни. Конечно, мы европейцы. Конечно, у нас больше половины туловища в Азии, и это надо учитывать, это надо учитывать в политике и в жизни. У нас мусульманские традиции, у нас вся южная границы вся такая, я бы сказал, загадочная. Посмотрите, если идти против часовой стрелки: Европа – сначала мы граничим с ЕС; потом с братьями-славянами; потом Кавказ; потом Средняя Азия; потом Китай; потом опять Япония с американцами. Какая граница! Какая история! Какие конфликты! Какие сложности! Конечно, мы другие, мы не будем, как европейцы. Мы не можем влиться в Европу так легко, как чехи. Ну, о чем вы говорите? Поэтому, конечно, мы другие. Но мы, тем не менее, имеем колоссальное общество. Конечно, надо базироваться на общем и искать пути контактов.

Во-вторых, нечего радоваться своим достижениям. Ну, вытянули из кризиса, а что сделали? Мы что, модернизировали экономику? Мы что, создали демократию? У нас государство прилично работает? Презентация кончалась 16-го числа рисунком колодца (такого детского, из мультфильма), и смысл этого колодца был в том, что нас и государство, и гражданское общество, и бизнес находятся на дне колодца – мы не можем вылезти по одному. И мы не можем поставить вниз гражданское общество, на него взгромоздить бизнес с олигархами, а на него государство и попытаться вытащить так. Или кто-то вылез, а потом остальных вытянул. Ползти вверх надо втроем, прижавшись спинами, цепляясь за стенки, и прилично себя вести – если будешь бить локтем соседа, все трое свалятся назад. В этом смысл нашего состояния. Мы выходим из тяжелейшего национального кризиса, у нас есть свои ошибки, свои проблемы, но мы должны решать проблему модернизации сразу: и общество, и государство, и бизнес. У нас колоссальные задачи.

Теперь посмотрим, что у нас все же за население. Я, как и Юргенс, православный нефанатик. История церкви проблемная конечно: у нас сначала Иван Грозный, потом Петр I сломал независимость церкви. Тот убил Филиппа, второй упразднил патриархов, посадил в синод. Ну, и третий удар был у Екатерины II, которая провела указ «О доношении попов», если на исповеди открывается покушение на цареубийство. Церковь не протестовала, хотя эта проблема решалась во всем мире как-то. У нас тяжелая история, но давайте посмотрим на людей. Что мы будем устраивать в атеистической стране с сильнейшей историей православия, что мы в ней будем костер разводить? У нас традиционно в конце 80-тых (это переехало в 90-тые) большую часть детей крестят. Меня крестили тайком при Сталине еще, тайком, чтобы никто не знал. Потом, сколько у нас женилось и женятся в церкви? Был традиционно в 80-тых, где-то при Горбачеве, процентов 20. Сейчас побольше. А хоронили как? Ведь христианин хоронящий не по христианскому обычаю, он уже не христианин, потому что он не заботится о мертвом. 4% было в 80-тых, и сейчас, хотя это все подросло, но пропорции в значительной мере сохраняются. Мы, конечно, атеистическая страна. Студенты ездят

туда-сюда. 18 лет без коммунизма, 2 млн. студентов в год выходят из атеистических вузов 18 лет. У нас набор на 1 курсы в вузах (я сверял для верности) больше, чем выпуск из средних школ. У нас фантастическая ситуация с образованием. Мы полностью на уровне людей включились в мир, мы полностью в Европе, Америке и Азии, мы нормально себя чувствуем. У нас есть нерешенные проблемы внутри страны. Элита еще должна доказать, что она в состоянии (вся элита вместе как класс) эту страну довести до уровня Европы. Вот когда мы дойдем до экспорта чего-нибудь, кроме чушек, проката нефтепродуктов; когда к нам поедут в университеты (сейчас едут уже по чуть-чуть, но мало); когда мы начнем экспортировать наукоемкую продукцию; и когда у нас будет не 9-10 тыс. ВВП на душу населения, а, скажем, среднеевропейские 25, - вот тогда мы поставим памятник тем, кто это делает, и тогда мы будем говорить, что мы в состоянии, мы претендуем на самостоятельный проект. Но для этого надо выйти из кризиса, этого колодца, и наша задача сейчас – не выдумывать ничего, а сосредоточиться на то, как договориться между собой, не мешать друг другу вместе выкарабкиваться из колодца. Спасибо».

Александр Шумилин: «Я постараюсь быть кратким по одной причине, что я готовил довольно продолжительное выступление здесь в дебатах на тему свободы слова, о которой сказал господин Вебб вчера, и это было бы уместно вчера обсудить: свобода слова применительно к России, свобода прессы, медиа рынок. Но я вижу, сейчас это абсолютно неуместно. Конечно, я продолжу тот тон, тот уровень дискуссии, который сейчас обозначился, и буду – повторяю – краток.

Первое. Конечно, все то, что говорит митрополит Кирилл относительно альтернативной демократии, радует далеко не всех россиян. Я бы даже сказал, очень небольшое их количество. Равно как очень незначительное, на мой взгляд, и, по моему убеждению, часть политического класса России пугается интегрированной Европы, которая якобы представляет угрозу и опасность для России. Идея войны, военного вторжения, раскручивающаяся вчера, - она, конечно, может запугать нас, но думаю, что не больше, чем на одну минуту. Но вряд ли рационально об этом говорить, и господин Караганов вполне адекватно, квалифицированно ответил вчера на этот тезис. Лично меня по-настоящему пугает другое – вот эта тенденция в определенных кругах (я бы даже не сказал, политического класса), в определенных довольно узких кругах намеренно и упорно противопоставлять Россию Европе во всех параметрах, противопоставлять Россию Западу, делая акцент на ее особенности, особливости (то, что мы сегодня слышали) – вот это меня пугает. Но еще больше – повторяю в третий раз – пугает то, что эти взгляды у нас имеют хождение на телевидение, где разгул или, как было сказано, политтехнологический бунт сейчас многократно, десятикратно, двадцатикратно больше, чем он был в 90-тые годы».

Елена Хотькова: «Несколько замечаний. Мне очень нравится драматургия, сложившаяся в обсуждении. Мы идем волнообразно: спокойная первая часть, и сейчас такая – ну, не девятый вал, но все-таки накал эмоций.

Очень коротко о своих впечатлениях. Вчера мне показался весьма симптоматичным определенный диссонанс в оценках состояния отношений России-ЕС между представителями еврокомиссии, наших ведомств с одной стороны – это достаточно спокойная, взвешенная, адекватная оценка сложившейся ситуации. Да, не получается сейчас с СПС, но есть основа для взаимодействия, есть определенная пауза, но она преодолима. Это с одной стороны. А с другой стороны, заявления так называемых «младочленов» Евросоюза (я имею в виду, представителей Чехии, Польши), которые акцентировали наше внимание вот на этих самых общих европейских ценностях. В нашем экспертном сообществе (мы все-таки следим за ситуацией в этих странах) по крайней мере, не воспринимается Российской стороной именно послы от этих стран. Мы все помним, что Чехия, например, существовала без правительства больше полугодом, потом по мгновению волшебной палочки правительство было создано, и через 24 часа поле образования демократического правительства тут же поступила

заявка от США по поводу рассмотрения возможности размещения элементов ПРО. Не прошло и 24 часа. И нам говорят о какой-то управляемой демократии, исполнительной вертикали... Она, наверное, есть, но в глобальном масштабе. И от представителей этих стран говорить о верховенстве закона, демократии и т.д. ну, по крайней мере, не совсем серьезно. Если говорить о Польше, мы знаем, да, есть общеевропейские ценности, но в Польше на полном серьезе идет дискуссия о возврате к смертной казни, о проявлении гомофобии (о чем здесь уже говорилось) и т.д. То есть, как это в общеевропейский контекст ложиться – это тоже проблема внутри ЕСовская.

И последнее мое замечание. Мне кажется, что вот та солидарность, о которой говорил, в частности, господин Борозов в Самаре, - она имеет, на мой взгляд, и другую сторону. Эта самая солидарность с младочленами (ну, и с Польшей, отчасти с Эстонией и Литвой) была ведь продемонстрирована в период острых внутри ЕСовских дебатов по миниконституции, минидоговору. И не потребуется ли идти на жесткий компромисс, на какие-то уступки этим младочленам, для того, чтобы все-таки подписать этот новый договор. То есть это уступка за уступку. Мы знаем, что и Чехия, и Польша протестуют и отстаивают свои права для более полного представительства в ЕС, и вот тогда Еврокомиссия, наверное, от них потребует в свою очередь определенных уступок. А в целом, мне кажется, что на данном этапе и Россия, и прежде всего старые страны-члены ЕС демонстрируют совершенно адекватное восприятие друг друга и, если не получается с СПС, мне кажется, сейчас тот период, когда свое слово должен сказать и СДС, т.е. Союз делового сотрудничества, Круглый стол предпринимателей России-ЕС, у них есть поле для взаимодействий и насыщения дальнейшего продвижения всех тех тем, которые, так или иначе, были затронуты в ходе наших предложений, дискуссий, что мы обсуждали. Спасибо».

Марина Лебедева: «Спасибо большое. У меня небольшая реплика. Я сразу хочу сказать, что я разделяю такую западническую позицию моих коллег, поэтому я абсолютно согласна с тем, что было сказано. Я не хочу этот аспект затрагивать. А вот хотела бы обратить внимание на другое. Сегодняшняя сессия, пожалуй, отличается от предыдущих тем, что высказывались настолько разнообразные, различные точки зрения по разным параметрам, не только западничества, славянофильства и др., а очень и очень различные. На мой взгляд, это характеризует некую реальность, ту реальность, которая у нас за окном. Она, как балтийская погода, - очень непредсказуемая и трудносхватываемая. Для меня это означает одно – мы находимся в некоей критической точке, точке бифуркации, которая непонятно куда потом развернется. Это с одной стороны. А с другой стороны, когда мы говорим об экономике и экономических аспектах, вот здесь вроде бы, я может сильно скажу, что все понятно, но более-менее понятно, какая идет тенденция. Наше взаимоотношение с Европой нарастает, оно, очевидно, оно будет, и в этом смысле действительно, у нас никогда не было таких хороших отношений с Европейским союзом, если иметь в виду объемы экономические и т.д. И вот здесь политический аспект начинает тормозить экономику, вот это «непонятно куда двигаться» оказывается таким разломным моментом, скрывающим другие аспекты. Я говорила об экономике, вчера я говорила о гуманитарных проектах, социальных проектах, и эти проекты тормозятся. Поэтому речь идет не только о взаимоотношении России и Евросоюза в этом плане, это более глобальная проблема, потому что действительно вот эта политическая точка неопределенности во многом оказывается разломной, мешающей развитию других аспектов социального и экономического взаимодействия. Что делать? Опять-таки садиться и договариваться, опять-таки хочу сказать, не будет здесь решения по типу растворимого кофе – это длительный, долгий процесс, но тенденция, в общем-то, понятная и определена. Спасибо».

Владимир Лебедев: «Вы знаете, я вот тут сидел и что-то вспомнил: года два, помоему, назад сидели мы в Юрмале и вот также беседовали, и одним из самых больших вопросов, я помню, был вопрос интеграции русского языка здесь в Прибалтике. Вы знаете, я обратил внимание, ну, вчера мы, конечно, немножко госязык послушали,

английский немного послушали, а сейчас совершенно спокойно все говорим по-русски, и никто на это не обращает внимание.

Где-то больше месяца тому назад был на экономическом форуме в Вене «Россия-ЕС» и вот оттуда у меня было очень грустное впечатление, потому что разговор шел на двух совершенно параллельных вполне красивых линиях дискуссии, но они нигде не пересекались, т.е. мы нигде не понимали друг друга. Европейцы говорили об одном, красиво, в общем-то, достаточно, может быть, и уважительно к нам; мы говорили о своем, но никакого понимания никто не искал, и, честно говоря, так и разошлись на достаточно средней ноте. Вот здесь, когда мы собрались, мы собрались на достаточно благодатной прибалтийской земле, и уваженная почва Балтийского форума, на мой взгляд, дала возможность нам намного более конструктивно поговорить о тех проблемах, которые есть действительно между европейским пространством и Россией в приложениях к конкретным вещам, в приложении конкретно к экономике, конкретно к культуре. Особо я хотел бы отметить: наша культура, наверное, так устроена, что мы обязательно хотим какое-то материальное доказательство тому, что мы где-то состоим. Если мы в партии состоим – дай партбилет с Ильичом на красной обложке; ежели в церкви – обязательно крестик и побольше, чтобы, извините, аж по пупку колотил, – вот мы обязательно хотим, чтобы нам кто-то сертификатик выписал. А на самом деле, из всей дискуссии, которая была профессиональная, ведь очень интересно кстати, у нас там по-английски и по-русски написано не «договорившись о чем-то в этом году», а «договариваясь». Мы сейчас находимся в середине процесса. Процесса очень нелегкого, но совершенно понятного, который идет и этим годом не закончится, послезавтра тоже не закончится, а темой следующего Балтийского форума непременно будет новая политическая реалья, когда у нас будет другая, как говориться, политическая реалья, то по большинству Европа тоже будет другой, и вот это мы будем очень серьезно примеривать на себя. Я искренне считаю, что, в общем-то, мы при всем при том... Вот господин Юргенс упомянул 4 сценария, поподробней рассказал о хорошем, а три-то остальных были плохими. В общем-то, совершенно не обязательно, что все будет классно и здорово, но то, что идти мы этим путем будем, и все будет, может быть, не так розово получаться, но другого выхода у нас нет. Я, наверное, на этом и хотел бы закончить свое выступление».

Виктор Калужный: «Спасибо. Все очень интересно, я вообще не хотел выступать, потому что было слушать все приятно, но задела одна позиция, по поводу которой я не могу промолчать как русский человек. Когда было сказано, что Россия кого-то боится. Хочу сказать, Россия никого никогда не боялась и не боится – Россию все боятся. И боятся за ее русский дух, за ее позицию. Учитывая то, что Россия никогда ни с кем не воевала, а всегда добивалась. Единственная черная страничка была одна – Финляндия, но бывает, что и у Хаджи Нассредина спотыкался осел. Но вместе с тем, все заканчивалось тем, что русская нога всегда ступала на землю Франции, на землю Германии, и если бы даже Вторая мировая война за какой-то короткий промежуток времени оказалась на Урале, все равно конец был бы один. То, что Россия имеет свою позицию – она ее держит. И я думаю, что в отношениях с Евросоюзом у Евросоюза своя дорога, у России всегда была, есть и останется своя дорога. И если сегодня Россия в какой-то степени отойдет или замрет на какой-то промежуток времени, даст возможность Евросоюзу расшириться. То это уже путь к пропасти, но которой она стоит, учитывая то, что не может по ряду вопросов консолидироваться, чтобы иметь даже одну позицию. У России огромный вектор взаимоотношений, и Запад, и Восток, и Юг, и выбор сегодня есть в этом отношении. Мало того, я хочу вам сказать, что в принципе солнце восходит на Востоке, а заходит на Западе – это тоже символично.

Я хочу сказать, что Россия сильна не только духом, она сильна своим православием, она была, есть и останется православной страной. И я, Леонид Макарович, не согласен с вами только в то, что я сам хожу в церковь, я Вам хочу сказать, что церковь молодеет, и это очень-очень важно. И, к сожалению, не все поняли Максима – он как раз не говорил об объединении церкви с государством, он говорил совершенно о другом. Я

думаю, что – еще раз говорю – России есть своя статья, которая была, есть и будет, у нее есть свой путь, с которого она не свернет. Россия есть Россия. Спасибо».

Янис Урбанович: «Уважаемые друзья, т.к. у нас уже традиция в Форуме последнее заседание превращается в русскую секцию, в российскую секцию, то я тоже продемонстрирую знание этого языка и немного России.

Сначала я должен что-то сказать про форму. Во-первых, я хочу сказать спасибо тем, кого вы не видите – это наши девчонки и мальчишки, которые сделали этот прекрасный зал, с каждым Форумом он становится лучше. Всех вас мы встретили, всех и отправим в аэропорт или к поездам, и это все мы делаем с большой радостью, и в большей степени на общественных началах – все где-то работает, а в Форуме зарплаты не получаем. Жаль, пора это пересмотреть, потому что, мне кажется, мы уже давно заработали не только большую зарплату, но и многие европейские гранты. Это так, в шутку.

Есть два правила, которые делают наши форумы, наши конференции клубными, и интересными, и приятно возвращаться тем, кто хоть раз был. Во-первых, у нас есть правило: если ты один раз был, то ты всегда знаешь, что каждый год, в последнюю пятницу мая мы ходим на Балтийский форум. Иногда мы в Риге, иногда мы это делаем в Юрмале – как получится. Тут император приехал, погоду обещали слишком плохую, получилось, что в Риге, но в Риге тоже ничего, есть свои плюсы. Это значит, что вы, дорогие друзья, которое сегодня новички, всегда можете в своем календаре отметить и не дожидаться, что мы выудим, какой пост вы за это год получили, какой адрес сменили – дайте нам знать. Наш сайт вам известен, в документах вы его видели, вы обратитесь – дайте о себе знать. Это раз.

Еще у нас принято, есть правило неписаное, но мы все стараемся его соблюдать – так легче. Во-первых, никто не имеет права использовать Балтийский форум в своих личных, политических, других корыстных или групповых целях. В то же время, второй пункт этого же правила: мы всегда рады, когда знания, контакты помогают во всех этих начинаниях – личных, бизнес, политических и т.д. Кажется, противоречие, а на самом деле никакого противоречия нет.

Еще я хочу сказать, что у нас обычно очень хорошо спорится, когда мы спорим не по форме, обрывая друг друга (это имеет право делать только ведущий), но, в основном, по сути. И тогда у нас, мне кажется, вот этот уют и создается. Я это не зря напомнил, потому что и вчера, и сегодня у нас были случаи, когда мы дискутировали не по сути, а по форме, не давая договорить коллеге, который - скажем так - впрямую или косвенно оппонировал. К этому надо возвращаться. Это не менторство, нам всем так будет легче, и мы больше тем сумеем переговорить здесь на Форуме, и с большим удовольствием будем и расставаться, и встречаться в следующий раз.

Еще я хочу поблагодарить, Михаил Афанасьевич, за то, что Вы к нам нашли дорогу, мы рады, что Вы это смогли. Мы знаем, как Вам было тяжело до этого, надеемся, что таких проблем у Вас не будет. В Форуме теперь есть эта декларация, текст выступлений тоже, как и всех предыдущих, других ораторов тоже есть. Я так понял, это призыв-декларация адресована всем, поэтому те, кто посчитает нужным, Форум, пожалуйста, может предоставить эти документы и, если Вам нужно, мы готовы помочь другими коммуникациями в этом направлении.

Однако я хочу сказать, что у нас здесь присутствуют, конечно, разные взгляды, как уже сегодня Андрей Федоров продемонстрировал, не только по отношению к Белоруссии, но и по отношению к тому пути, которым идет и выбирает Россия, Украина и, конечно, Латвия. Я благодарен моим латвийским коллегам и оппонентам, что они не воспользовались Балтийским форумом для того, чтобы сводить счеты со мной или продемонстрировать, как у нас классно все-таки с демократией, ничуть не хуже, чем в России; а воспользовались той ситуацией, что у нас такая прекрасная и большая

эрудированная российская делегация, и мы послушали, и надеемся, что всегда и впредь вы будете приезжать к нам, нам не надо будет организовывать выездные, Московские или Питерские форумы, чтобы послушать, что нового происходит в политической элите России. Во-первых, Форум всегда нам удастся, потому что к нам приезжают такие хорошие люди. Такие хорошие, как вчера Алан Райли, которому прошу передать привет, он сделал великое дело, завел весь Форум. Жаль, что он не выслушал все, что было сказано в его адрес. Надеюсь, что он услышит это, и вернется к нам и мы додебатируем с ним. Большое спасибо Максиму Шевченко, который тоже привнес такой «экшн» сюда к нам. И надеюсь, что вы, тем не менее, не только на нашем форуме, но и в повседневной жизни будете так же дружны, как и, поверьте, наш клуб, который называется «Балтийский форум». Всем вам огромное спасибо. Извините, что за все, что было невкусно или не очень организовано. Особенно, извините те, кто не успел выступить. Ну, что ж? Будьте активней, будьте проворней, становитесь в очередь на следующий Форум. До встречи в 2008-ом году. Он очень интересный не только с точки зрения того, что будет происходить в Европе (я имею в виду Евросоюз). До свидания».